

Третьяк, Е. И. Общественно-политическая жизнь России первой трети XIX в. на страницах «Мемуаров» графа Олизара / Е. И. Третьяк // Крыніцазнаўства, археаграфія, архівазнаўства ў XX—XXI ст. у Беларусі: зб. навук. артыкулаў, прысвечаных 100-годдзю з дня нараджэння М. М. Улашчыка / рэдкал. : С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2007. — С. 157-162

Е. И. ТРЕТЬЯК (Минск)
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в. НА СТРАНИЦАХ
«МЕМУАРОВ» ГРАФА ОЛИЗАРА

«Мемуары» графа Г. Олизара, опубликованные в 1898 г. в журнале «Русский вестник» и охватывающие период 1808—1865 гг., являются ценным источником для изучения общественно-политической жизни России первой трети XIX в., активным участником которой являлся сам автор. Граф Густав Олизар, владелец Коростышева и некоторых других имений в Киевской и Волынской губерниях, родился в 1789 г. Древний род Олизаров вплоть до XVIII в. не играл существенной роли в истории Речи Посполитой, зато смог скопить колоссальные богатства. Отец Густава, Филипп Олизар, исполняя в 1791 г. обязанности трибунального маршала, не только отказался от полагаемого ему жалованья, но и на собственные средства давал роскошные приемы и обеды,

157

истратив на это более 300 тыс. злотых. При этом он оставил сыновьям Густаву и его старшему брату Нарциссу приличное состояние. Приданное дочери составило 250 тыс. р, в то время как даже Радзивиллы могли позволить себе выплачивать в таких случаях от 5 до 10 тыс. р. После 1793 г. Ф. Олизар жил почти безвыездно в своем коростышевском имении и, будучи человеком апатичным, предоставил воспитание детей гувернанткам и родственникам. В это время происходит сближение обоих братьев с визитатором (училищным ревизором) всего Виленского учебного округа Фадеем Чацким, который являлся дальним родственником семейству Олизаров. Впоследствии Г. Олизар неоднократно повторял, «что он преклоняется перед этим человеком и не называет его святым лишь только потому, что римско-католическая церковь его таковым не признала» [6, 11]. Главная заслуга Ф. Чацкого перед польским обществом, по мнению Г. Олизара, заключалась в том, что он «сумел воодушевить своих земляков и склонить их пожертвовать личными интересами ради одной цели — восстановления политической независимости Польши» [6, 13]. Воспользовавшись покровительством А. Чартарыйского, Ф. Чацкий делал все от него зависящее, чтобы в контролируемых им училищах молодежь воспитывалась в польском патриотическом духе. Такое поведение не осталось незамеченным правительством.

В 1812 г. князь П. И. Багратион в присутствии Ф. Чацкого отметил тот факт, что польская молодежь неохотно вступает в русскую армию. Чацкий с ним не согласился. После чего из Кременца в русскую армию было направлено несколько человек, что, конечно, не являлось доказательством преданности российскому престолу. Реальные же симпатии Ф. Чацкого, как и польского общества в целом, были на стороне Наполеона. Так, Ф. Олизар собрал 20 тыс. червонцев для снаряжения полка под командованием старшего сына Нарцисса. По словам Густава, когда в Кременец стали приходить сведения о поражении французов под Москвой, многие не скрывали своих слез [6, 15]. После этих событий и ряда семейных неурядиц отец Густава Олизара заболел и по рекомендации врача выехал в 1814 г. на лечение за границу. Сын сопровождал его в этой поездке. Проведя год в Австрии и Италии, семейство Олизаров вернулось на родину. Однако лечение не помогло и по дороге домой Ф. Олизар скончался. Похоронив отца в Бродах, Густав Олизар вернулся в имение. В 1821 г. он был избран предводителем дворянства Киевской губернии.

К этому времени общественно-политическая ситуация на землях бывшей Речи Посполитой существенно образом изменилась. Присоединение по решению Венского конгресса польских земель к Российской империи в виде автономного Царства Польского и дарование ему конституции воскресило у

158

поляков веру в возрождение государственности. Одной из форм проявления оживления общественного движения стала работа масонских лож. В русле общей тенденции покровительства масонству со стороны

Александра I в 1815 г. возобновил работу «Великий Польский Восток». На момент открытия ему подчинялось 13, а к 1817 г. — уже 20 лож. На Украине в это время активно действовали как русские, так и польские масоны. Несмотря на то что русские ложи подчинялись петербургской Великой ложе «Астрея», а польские — Великой ложе в Варшаве, открытой конфронтации между ними не было [9, 16].

Доказательством этому может служить работа Киевской ложи «Соединенных славян», возглавляемая Г. Олизаром, в которой «членами были и поляки, и русские и [они. — Е. Т.] дружно по-братски подавали друг другу руку» [2, 360]. Между тем такие дружественные отношения были лишь видимостью. В светских салонах и на балах между польским и русским дворянством наблюдалась огромная отчужденность. Эту неприязнь друг к другу в полной мере ощутил на себе Г. Олизар, когда попробовал добиться руки Марии Раевской. Генерал Н. Н. Раевский считал недопустимым брак дочери с человеком другой религии и национальности и предпочел выдать ее замуж за С. Г. Волконского. Отказ оставил в сердце Г. Олизара неизгладимый след на всю жизнь [6, 103].

Густав Олизар был не только мастером стула в киевской ложе: он, как и его брат Нарцисс, являлся членом Польского патриотического общества. Это общество возникло в мае 1821 г. Основателем его был майор IV линейного полка Царства Польского В. Лукасинский. Еще в 1819 г. он создал Национальное масонство, целью которого было «объединить в духе братства не весь род человеческий, а только поляков и реставрировать польское государство» [9, 243]. Эта организация охватила своей деятельностью не только Царство Польское, но и ложи на территории Литвы, Беларуси, Пруссии, Австрии. Их активность вызывала недовольство русского и прусского правительств, что заставило В. Лукасинского свернуть деятельность Национального масонства и вместо него создать конспиративную организацию — Патриотическое общество [7, 50]. В исторической литературе данная организация считается не масонской, а тайной политической. Вместе с тем следует обратить внимание, что она сохраняла масонскую структуру, а наиболее активные ее члены продолжали состоять в масонских ложах. Так, Нарцисс Олизар, возглавлявший Краковскую провинцию Патриотического общества, одновременно с этим был Великим провинциальным мастером ложи «Совершенного секрета» и основателем ложи «Звезда Востока» в Дубно и Рафаловке (последняя одновременно являлась его именем) и мастером стула в ложе «Совершенного соединения» [11, 1113]. Кроме того, он был членом гродненской ложи «Дру-

зья человечества» [3, 91] и значился среди почетных членов минской ложи «Северный факел» [4, 170—179]. Учредителем этой мастерской был член Патриотического общества Ян Ходзько, в ней же состояли члены Литовской провинции Степан Мацкевич и Александр Пацей. Руководитель Литовской провинции К. Радзивилл являлся одним из учредителей несвижской ложи «Счастливого освобождения», в которой также работал председатель Литовской провинции М. Ромер [4, 239—245]. В другую несвижскую ложу «Святого покоя» входил Адам Солтан [4, 300—302], он же был почетным членом варшавской капитулярной ложи «Белого Орла» [5, 17]. Член Варшавского комитета Патриотического общества Северин Кржижановский входил в польскую ложу «Щит севера». Что касается Густава Олизара, то, помимо киевской ложи «Соединенных славян», он был мастером стула Великой провинциальной ложи «Совершенного секрета» в Дубно [8, 809], масоном 3-й степени в ложе «Увенчанной добродетели под тремя звездами» в Рафаловке [11, 1113]. Вместе с членом Патриотического общества П. Мошинским работал в варшавской ложе «Северный щит» [10, 172].

Около 1822 г. между Южным обществом декабристов и польским Патриотическим обществом были установлены связи. В начале 1823 г. на контрактах в Киеве между этими организациями проходили очень трудные переговоры, продолжившиеся затем в 1824 г. Польскую сторону представляли А. Яблонский и С. Кржижановский, русскую — П. И. Пестель и М. П. Бестужев-Рюмин. В итоге было принято решение о том, что поляки в случае восстания в России задержат в Варшаве великого князя Константина Павловича и помешают ему выступить претендентом на русский престол [6, 104—105]. Описывая эти переговоры, Г. Олизар неоднократно подчеркивал, что, хотя он и был знаком со многими членами тайных организаций, в тот момент ничего не знал об их деятельности. Однако ряд архивных документов свидетельствуют об обратном. Среди них — письмо С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина, написанное летом 1823 г. к члену Патриотического общества гр. А. Хадкевичу (в конце его следует приписка Г. Олизара) [7, 87], и донос генерала-полицмейстера Эртеля от 30 марта 1824 г., в котором сообщалось, что члены бывшей масонской ложи «Соединенных славян» гр. А. Хадкевич, генерал Н. Н. Раевский, гр. Г. Олизар, А. В.

Капнист и П. А. Муханов тайно собираются в местечке Борисополе. Как видно из состава участников собрания, все они являлись либо членами Южного общества декабристов, либо польского Патриотического общества [10, 157]. Понимая, что за ним ведется тайный надзор, Г. Олизар летом 1825 г. решил покинуть Киев и отправиться в долгое путешествие (намеревался посетить Одессу, а затем Крым, Кавказ и Персию). В Крыму его застало сообщение о смерти Александра I, и он немедленно прервал поездку. В своем имении Г. Олизар застаёт взволнованного М. П. Бестужева-Рюмина, от которого узнал о событиях в С.-Петербурге и о намерении членов Южного общества поднять восстание во вверенных им войсках. Г. Олизар подобные планы не одобрил, считая, «что нет худшего зла, чем подвергать свое отечество ужасам междоусобной войны» [6, 113]. После поражения выступления Черниговского полка и ареста членов Южного общества декабристов в руки следственной комиссии попал список членов Польского патриотического общества, переданный А. Яблонским П. И. Пестелю. После этого последовала серия новых арестов. Г. Олизар был арестован и препровожден в Петербург. Его поместили в камеру № 13 Никольского куртина Петропавловской крепости (рядом с местом заключения С. И. Муравьева и М. П. Бестужева). В целом по делу декабристов проходило 14 членов Польского патриотического общества, но к суду они привлечены не были, так как считались непричастными к событиям в Петербурге [1, 134]. После освобождения из крепости Г. Олизар вернулся в Киев, где снова был арестован в этот раз по решению военной следственной комиссии, создано при великом князе Константине Павловиче, и привезен в Варшаву. Тем не менее из-за отсутствия улик, доказывающих его вину, он был снова оправдан. В дальнейшем Г. Олизар не принимал активного участия в политической жизни. Женившись на графине Ф. Ожарской, он вел тихую и размеренную жизнь в своем имении. Правда, за ним велся постоянный полицейский надзор, и в 1830 г. по требованию властей его семья переехала в Курск, а оттуда — за границу. Только с официального разрешения Николая I Густав Олизар смог вернуться на родину. Разочаровавшись в восстании 1863—1864 гг., Г. Олизар выехал на постоянное место жительства в Германию, где и умер в 1865 г. (похоронен на римско-католическом кладбище в Дрездене).

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов, В. А. Некоторые вопросы русско-польских межславянских связей 20—40-х гг. XIX в. / В. А. Борисов // Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX века. Львов, 1965.
2. Волконский, С. Записки / С. Волконский. Иркутск, 1991.
3. Гардзееў, Ю. З гісторыі гарадзенскіх масонаў / Ю. Гардзееў // Гістарычны альманах. 1995. Т. 5.
4. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 295. Оп. 1. Ед. 286.
5. Там же. Ф. 694. Оп. 1. Ед. 517
6. Олизар, Г. Мемуары графа Олизара / Г. Олизар // Русский вестник. СПб., 1898. Т. 227. С. 3—41; Т. 228. С. 88—120.
7. Ольшевский, П. Н. Декабристы и польское национально-освободительное движение / П. Н. Ольшевский. М., 1959.

8. Polski słownik biograficzny. Warszawa, 1976. Т. 43.
9. Рябинин, И. С. Польское масонство / И. С. Рябинин // Масонство в его прошлом и настоящем. СПб., 1915. Т. 2.
10. Семевский, В. И. Декабристы-масоны / В. И. Семевский // Минувшие годы. 1908. № 3. С. 127—170.
11. Серков, А. И. Русское масонство 1731—2000 / А. И. Серков // Энциклопедический словарь. М., 2001.